

Небольшое дело Чжун Цзыци лишь всколыхнуло гладь — лёгкая рябь быстро сошла на нет, и всё снова стало тихо. Но, видно, даже небесам надоела его безмятежность: беда нагрянула вновь — внезапно, яростно, без предупреждения.

Началось всё с закупки овощей. Неизвестно откуда, но по деревне разнеслась весть: за спиной у Чжао амо, скупавшего урожай, стоит именно Чжун Цзыци. И чем это обернулось — было нетрудно предугадать. Как и говорил Чжао амо, те, кто прежде насмеялся и язвил, словно растворились. Их сменили лица — услужливые, натянутые в заискивающие улыбки.

Чжун Цзыци едва сдерживал желание расхохотаться в голос.

Вот именно этого он и добивался.

Он вовсе не был каким-нибудь добряком. Напротив — сердце у него было жёсткое, мелочное: он помнил каждое косое слово, каждый презрительный взгляд. Чётко, до мелочей. Он ведь предупреждал — если есть гордость, не приходите потом просить.

Так что не стоит слишком уж унижать других.

Не смейте презирать бедного юношу — у юноши тоже наступает день, когда он становится сильным.

И этот юноша... ещё и злопамятен.

Однако злорадствовать долго не вышло. Очень скоро на лице Чжун Цзыци появилось выражение кислой тыквы — эти люди оказались невыносимо назойливы. Они вторгались в его повседневную жизнь, липли так, что, казалось, даже пластырь не сравнится с их приставучестью.

Например, этим самым днём. Когда Чжун Цзыци с остальными только вернулся из города, у въезда в деревню уже стояло несколько человек.

— Как же достали... — недовольно пробормотал Чжао Нин. В последние дни не только их семья — даже он сам боялся лишний раз выйти из дома: стоит отвлечься, как тебя тут же хватают и начинают расспрашивать обо всём подряд... ну просто невыносимо.

— Цзыци-гэ, ты вернулся! — закричал один из стариков-амо, широко оскалившись, обнажая ряд крупных жёлтых зубов.

— Ай-я, Цзыци-гэ такой молодец! Яблоко от яблони недалеко падает — весь в своего отца, такой же способный, — поддакнул другой амо, плотноватый, с лицом, покрытым морщинами, торопливо подбираясь ближе.

Честно говоря, у Чжун Цзыци уже уши в трубочку сворачивались от этих речей. Эти люди не гнушались ничем: сладкие слова, лесть, приторные похвалы — всё шло в ход, как будто они бросали в него один за другим яркие, ослепительные снаряды.

И нельзя сказать, что они торопились без причины. Чжао амо, следуя указаниям Чжун Цзыци, скупал овощи только у тех семей, что отличались честностью и порядочностью. Сам он терпеть не мог деревенских сплетников — тех, кто из белого делает чёрное, а хорошее превратит в дурное. Поэтому и выбирал он лишь тех, кого считал достойными.

Честные, простые семьи, разумеется, радовались: кто бы отказался, когда к тебе сами приходят и скупают овощи? Да ещё и можно спокойно заработать несколько десятков вэней — неплохой доход, как ни крути. А кое-кто поумнее, кто и сам недолюбливал деревенских сплетниц с длинными языками, не удержался — вышел похвастаться.

Сначала один — ничего особенного. Но когда вдруг сразу несколько человек начали рассказывать, будто сидят дома и зарабатывают на продаже овощей, причём с такими подробностями, будто всё своими глазами видели... тут уж многие не выдержали. Почему они об этом никогда не слышали? Почему не покупают у них? Один за другим, выпрашивая и вынюхивая, они добрались до дома Чжао амо. Тот, однако, ловко уходил от разговоров, увиливал и в итоге всех спровадил ни с чем.

Позже в деревне вдруг объявился кто-то, кто якобы видел Чжун Цзыци в городе: дела у него идут отлично, овощей он использует много — и, похоже, как раз тех, что закупаются в деревне. Эта новость взорвала всех. Те самые люди, что раньше с таким усердием поливали грязью этого «бедного гера», будто вмиг забыли обо всём и, напустив на себя вид добродетели, потянулись к его порогу.

К счастью, Чжао амо заранее передал все дела в руки Чжун Цзыци, позволив ему самому решать, с кем иметь дело. Это, по крайней мере, немного облегчило ему жизнь.

Чжао Чжэнъань стоял с натянутым лицом, сердито глядя на толпу перед ними. В последние дни кто-то постоянно стучал в их дверь — в любое время, хоть утром, хоть вечером. Он не до конца понимал, что происходит, но чутко улавливал одно: после каждого такого визита его жена становилась мрачнее, а в глазах появлялось явное раздражение.

А значит, как муж (пусть и с лёгкой неловкостью), он должен защищать свою жену от обидчиков.

Правда, сам он до этого бы не додумался — ему подсказали друзья. Зато всё, что касалось его жены, он запоминал крепко и применял без колебаний.

Сейчас же, увидев, что дорогу домой им перегородили, а эти люди ещё и без стеснения мельтешат перед глазами его жены, он тут же вскипел. Надул губы и громко крикнул:

— Разойдитесь!

Но слова его канули в пустоту, как камень в воду. Никто не обращал внимания на дурачка. Его давно уже игнорировали так, будто его вовсе не существовало.

— Цзыци-гэ, как же ты вырос... — снова заговорил один из амо. — Когда твой амо был жив, мы с ним были очень близки.

Этот, по крайней мере, оказался поумнее — решил сыграть на родственных чувствах. Но с Чжун Цзыци такие приёмы не работали. Он ведь не глупец. Чтобы его амо дружил с таким человеком? Смешно. Не то чтобы он смотрел на других свысока — просто у этого амо было лицо, как у обезьяны, глаза всё время бегали, выдавая беспокойную натуру. Точно такой же тип, как Ван Цуйхуа.

— Жена! — Чжао Чжэнъань, собрав всю смелость, снова выкрикнул, но его опять проигнорировали.

Будто его и не было.

Он сразу сник. В тёмных, блестящих глазах заблестела влага, густые брови сдвинулись, словно две нахмуренные гусеницы.

Чжун Цзыци заметил — тот обиделся.

Он тут же взял его за руку, крепко сжал. Внутри холодно мелькнула мысль: я и сам не позволяю ему страдать, а эти... приходят и портят ему настроение, словно он для них пустое место?

С лёгкой, натянутой улыбкой Чжун Цзыци обвёл взглядом эту толпу лицемеров:

— Уже поздно. Всем амо — пора расходиться, мне нужно домой. И ещё раз повторю: все вопросы по овощам обсуждайте с Чжао амо. Я полностью передал ему это дело. А теперь — будьте добры, освободите дорогу.

В его голосе звучало холодное отчуждение — словно невидимая стена. Люди невольно почувствовали это и, не сговариваясь, расступились.

Они разошлись по домам.

Но Чжун Цзыци, как оказалось, радовался слишком рано.

Едва он с Чжао Чжэнъянем вернулись домой и не успели даже глотка воды сделать, как двери снова загрохотали — «бум-бум-бум».

Лицо Чжао Чжэнъяня, только что просветлевшее, снова вытянулось.

Чжун Цзыци нахмурился:

— Кто там?

За дверями — тишина.

Словно и не слышали вовсе.

— Кто там? — повысив голос, Чжун Цзыци подошёл к дверям.

Ответа не последовало. И стук не прекращался — настойчивый, раздражающий, словно специально выводящий из себя.

С явным нежеланием он всё же открыл двери... и в тот же миг пожалел. Ну что за руки такие — сами тянутся, куда не надо?

За дверями стоял не кто иной, как его «свекровь» по имени — Ван Цуйхуа, тот самый, с которым они ещё недавно громко ссорились.

Лицо Чжун Цзыци тут же стало холодным:

— Зачем пришёл?

Вокруг никого — можно и не притворяться, не держать лицо.

Жирное лицо Ван Цуйхуа с трудом изобразило подобие добродушной улыбки, от чего

выражение стало только более хищным и неприятным:

— Цзыци-гэ, я пришёл посмотреть, как вы тут живёте!

— Если бы ты не приходил, жили бы прекрасно, — равнодушно, с едкой насмешкой отрезал Чжун Цзыци, обеими руками упираясь в двери и не давая ей протиснуться внутрь.

— Ха-ха, ну что ты такое говоришь, — натянуто рассмеялся Ван Цуйхуа. — Неужели я могу вам навредить?

Он явно не ожидал такого отпора — его лицо на мгновение перекопилось, сменив несколько оттенков, но злость пришлось проглотить. Вытянув шею, он заглянул внутрь и, заметив в комнате Чжао Чжэнъяня, тут же пронзительно закричал:

— Чжэнъянь! Чжэнъянь! Это я, твой амо!

Услышав голос, Чжао Чжэнъянь подошёл ближе и увидел давно не навещавшего его амо. У Ван Цуйхуа внутри тут же вспыхнуло торжество: этот дурачок всё равно послушается меня. Он грубо оттолкнул руку Чжун Цзыци, протиснулся внутрь и, схватив Чжао Чжэнъяня за руку, притворно ласково заговорил:

— Чжэнъянь, это же я, амо! Так давно тебя не навещал — ты ведь не сердисься? Скучал по мне, да?

Раньше Чжао Чжэнъянь в такой момент уже сиял бы от радости, крутился рядом, словно щенок, виляющий хвостом. Но сейчас — ни тени прежнего восторга.

Наоборот... где-то глубоко внутри поднялось неприятное чувство.

Он и сам не понимал — почему.

В его мире теперь остался только Чжун Цзыци.

За это время, прожитое рядом с ним, даже он, будучи простодушным, смог почувствовать разницу: его нынешняя жизнь была несравнимо лучше прежней. Небо и земля. Настолько хорошей, что порой в нём просыпался страх — а вдруг однажды его заставят вернуться назад?

Снова увидев своего амо, Чжао Чжэнъянь остался удивительно спокоен. Той прежней привязанности больше не было.

Он вырвал руку из цепкой хватки — слишком уж больно сжимали — и поспешно спрятался за спину Чжун Цзыци, сжав пальцами край его одежды.

Больше всего он боялся одного: а вдруг жена отправит его обратно?

Нет. Он ни за что не уйдёт.

Никогда не покинет свою жену.

Чжун Цзыци слегка прищурился — и в глубине глаз мелькнуло удовлетворение.

Он не стал останавливать Ван Цуйхуа именно потому, что хотел увидеть реакцию Чжао Чжэнъяня.

И то, что он увидел... его более чем устроило.

Значит, всё это время он старался не зря.

Чжао Чжэнъань уже знал, кого ставить на первое место.

И без колебаний выбирал его сторону.

<http://bllate.org/book/16132/1607015>